

Дитрих Брауэр

*Епископский визитатор Евангелическо-лютеранской
Церкви Европейской части России*

ЦЕРКОВЬ ВСЕГДА РЕФОРМИРУЮЩАЯСЯ ECCLESIA SEMPER REFORMANDA EST

Я благодарю вас за предоставленную мне возможность участвовать в этой конференции и поделиться некоторыми соображениями и мыслями. Тема, как уже было сказано во вступительном слове, действительно очень интересная, очень актуальная, ибо Реформация содержит в себе революцию. И в первую очередь, конечно, революцию сознания, потому что Реформация Церкви, собственно, и означала революцию сознания. Да ведь и Весть Христа сама по себе является революционной. Мы смотрим на картину, где распят Христос — и это тоже революционная весть, которая врывается в человека, в его сознание, сердце и душу.

Я хочу поздравить всех с недавно прошедшим Днем Реформации, а также с Днем Всех Святых, который следовал вслед за ним. Собственно говоря, Лютер именно так это и планировал — в преддверии Дня Всех Святых вновь провозгласить революционную Евангельскую Весть.

Мой доклад озаглавлен так потому, что все вошедшие в него мысли основаны именно на одной этой фразе. Это известный лозунг Реформации, который Лютер неоднократно приводил в своих работах и который в дальнейшем неоднократно становился двигателем многих философских трудов. Здесь звучит активная форма, которая, вместе с тем, отражает и постоянно продолжающееся развитие. Вдумайтесь: как может Церковь **постоянно** реформироваться?

Так поставленный вопрос нуждается в интерпретации и пояснениях. Но я не хочу давать здесь каких-то личных, субъективных интерпретаций. Я хочу просто поделиться с вами некоторыми соображениями о том, что же такое Церковь Реформации, что же такое Церковь, постоянно реформирующаяся.

Церковь Реформации — это, по словам известного богослова Карла Барта, «Церковь скромной теологии».

Церковь Реформации — это, по словам известного богослова Карла Барта, «Церковь скромной теологии». Собственно, именно этой фразой он завершил свои богословские труды, подчеркнув мысль, что в конечном итоге Церковь Реформации является Церковью со скромной теологией. Почему Барт так считает? Да просто потому,

что за спиной у него имеется огромный богословский опыт. Из разработанной им всеобъемлющей догматики можно создать целую библиотеку, массу томов. Но Барт заканчивает свое богословие вот этой короткой фразой. Вероятно, потому, что акцент во всех трудах Барта постоянно делался на одном: на авторитете

одного только Бога, на Его абсолютном, безусловном авторитете. Авторитет одного только Бога. И что бы ни рассматривал в своих богословских размышлениях Барт, его взгляд опять возвращался к исходному пункту — Всемогущему Богу. Постоянно смотреть на распятого Христа, постоянно видеть революционные и реформационные образы нас побуждает воля Бога. Это не наша заслуга, это не наш авторитет. Это авторитет Бога.

Поэтому вся наша теология, все наше богословие — есть богословие скромное. Оно скромное ибо в конечном итоге, оно человеческое, ибо мы описываем его человеческим языком. Но оно говорит о всемогущем Боге. По крайней мере, старается говорить.

Церковь реформирующаяся или Церковь Реформации — это Церковь видимая и невидимая. И невидимая Церковь — есть та Церковь, которая остается константной, остается без изменений. А что касается видимой Церкви — здесь, безусловно, постоянно что-то меняется.

И тут мы опять возвращаемся ко Христу. Он использовал притчи, использовал язык простых крестьян и рыбаков. А иногда прибегал к метафорам, которые характерны для языка философов и богословов. Иисус обращался к людям по-разному, потому что хотел донести до них истину. Именно для этого Он меняет методы и язык. Кроме того, они меняются и вместе с вызовами времени.

Церковь реформирующаяся — Церковь, отвечающая на вызовы времени. И тут можно обратить взгляд в прошлое — на то, что происходило не так давно, в XX веке. Вызов войны, который, к сожалению, снова и снова врывается в наше сознание. Это лишь один из примеров, но, возможно, самый жесткий. В такие моменты Церковь либо молчит, либо пугается, либо совершает какие-то странные действия. Бывает, что Она отвечает на такой вызов времени без страха и сомнения. И тут мы вспоминаем о таких людях, как Дитрих Бонхёффер. Для него вопрос — что же такое Церковь реформирующаяся? — тоже был очень важен. Как же она вот в это абсолютно новое время, перед лицом абсолютно нового вызова должна реагировать? Что легитимно? Что возможно? Он размышлял, например, о том, легитимно ли организовывать покушение на Гитлера? Легитимно ли вообще говорить об этом, думать об этом? Является ли этот акт христианским? Эти вопросы так и остались без ответа. Но задаваться этим вопросом необходимо в любое время! Читаю большой труд Дитриха Бонхёффера «Этика», да и другие его работы, мы можем видеть, насколько тяжело было для него и для многих-многих других найти ответы и при этом оставаться верным следованию за Христом.

В этой связи мы должны сказать: Бог не дарует нам дешевую благодать. Это не просто благодать, которая как будто выбрасывается на рынок, и каждый, кто хочет, может за копейки ее купить. Это благодать, оплаченная высочайшей ценой. Очень дорогая благодать, за которую Господь проливает Свою кровь.

Церковь реформирующаяся — Церковь, отвечающая на вызовы времени.

**Церковь только тогда
Церковь, когда она
существует для других.**

«*Kirche ist nur dann Kirche, wenn sie für andere da ist*» — Церковь только тогда Церковь, когда она существует для других. Эта фраза принадлежит Дитриху Бонхёфферу. Это очень важная часть понятия «Церковь реформирующаяся». «Церковь только тогда Церковь, когда она существует для других».

Церковь реформирующаяся — это Церковь критикуемая. Это Церковь, которая воспринимает критику. Церковь, которая прислушивается к критике. Церковь, которая умеет не только слушать, но и услышать. Здесь можно привести нелицеприятный пример из истории наших дней. Наверняка все вы слышали о бывшем председателе Совета Евангелическо-лютеранской церкви Германии, епископе Ганновера Маргот Кессманн. Она проехала на красный свет светофора, и к тому же оказалось, что она выпила две кружки пива. Сразу возникла дискуссия, разползлось огромное количество различных слухов, и скандал был огромный. Кессманн провела короткую пресс-конференцию и огласила свое решение, которое было очень ясным и четким. Она сказала, что после случившегося не может представлять Церковь, что совершила непоправимую ошибку. За Кессманн вступились практически все епископы немецкой Церкви. Они говорили: «Нет, она должна остаться, она прекрасный проповедник, она прекрасный человек, она достойна доверия, нужно более внимательно разобраться в том, что произошло». Но Кессманн заявила, что Церковь от нее не зависит: сама она не является безусловным авторитетом Церкви, и Церковь может жить дальше и без нее. Другой человек на месте Кессманн будет ничуть не хуже, чем она. Маргот Кессманн была уверена в этом.

Это происшествие тоже помогает нам понять, что представляет собой Церковь реформирующаяся. Церковь, которая честно стоит и честно относится к критике, направленной в ее сторону. Церковь, которая умеет принять решение, умеет отличить главное от второстепенного, умеет опять, вновь и вновь, воззреть на Христа, Который является главным и абсолютным Авторитетом.

Перед нами стоят вопросы. Что должно быть подвержено реформации, постоянной реформации, а что — нет? Что является константой? Некоторые пункты уже были названы. Можно проследить два пути, которые открылись еще в эпоху самой Реформации. Я бы назвал эту ситуацию Лютер *versus* Меланхтон. Есть путь Лютера и путь Меланхтона. Лютер написал по поводу Меланхтона такие слова: «Я рожден для того, чтобы бороться с бесами и чертями и побеждать их. Поэтому мои книги боевые и воинственные. Я должен расчищать путь от шипов и колючек, вычерпывать лужи. Но магистр Филиппус идет тихо и чисто, строит, насаждает, сеет и поливает». Возникает вопрос: упрек ли это или наоборот — похвала. Лютер пишет и говорит то, что думает, никого и ничего не стесняясь и не задумываясь о последствиях. Это и вызывает любовь к Лютеру. Путь Лютера: бескомпромиссность и принципиальность. Лютер был не столь-

ко систематиком, сколько библейским богословом, библейским исследователем. В качестве аргументов в своих размышлениях и трудах он использовал примеры. Особенно много их можно найти в его проповедях. А свою жизнь Лютер завершает простой фразой: «Мы — нищие. Это действительно так».

Что же получается? И Барт завершает свои огромные труды «скромной теологией», и Лютер завершает очень скромным по отношению к себе высказыванием. Но эта скромность делает великое дело: она вновь и вновь указывает на высший Авторитет — и ничего более.

Меланхтон, путь Меланхтона — это поиск компромиссов, путь систематического богословия, всеобщего, кафолического богословия, пусть поиска возможности единства. И поэтому, открывая Аугсбургское вероисповедание, мы находим там Артикул о Церкви и Артикул о том, каким образом возможно достижение единства Церкви. И само единство Церкви, и его критерии описаны там достаточно просто: это проповедь Слова Божьего и Таинства, более ничего. Но этого достаточно для того, чтобы Церковь была единой. Однако мы понимаем, что за этим следуют дальнейшие комментарии, где и начинаются расхождения. Поиск компромиссов, акцент на кафоличности — это путь Меланхтона. Какой путь здесь выбрать, по какому пути пойти? — ответ на этот вопрос нужен и в сегодняшнее время, и ответить на него должны сегодняшние евангельские, евангелические церкви.

Путь Лютера — путь бескомпромиссности, путь чисто библейской теологии, как часто его называют. Но на этом пути нас поджидают определенные опасности, о которых будет сказано в следующем докладе. Например, опасность фундаментализма.

Путь Меланхтона тоже имеет свои опасности. В крайнем варианте, в своей максиме, этот путь может увести от идентичности, от центра, от фундамента.

Поэтому Церковь реформирующаяся, Церковь Реформации — это Церковь, которая все время должна определять, что должно быть объектом постоянной реформации, а что подвергать реформации нельзя.

Основа Реформации — не мы, но Бог. И как бы мы ни разделялись, что бы мы ни думали, как бы мы себе ни формулировали ответ на вопрос, что именно подвержено реформации, а что — нет, Хозяином, Главой, Основой Церкви является Он. Никто не может положить другого основания, кроме уже положенного, которое есть Иисус Христос. Именно у Него, у Главы Церкви, мы спрашиваем разрешение что-либо предпринять или сделать, и получаем легитимацию наших шагов. В самом высоком и глубоком смысле, у Евангелической Церкви не может быть главы, ибо у Евангелической Церкви есть лишь один-единственный Глава — Христос.

А основа реформации — это Слово, Слово живое, Слово воплощенное, Слово об оправдании верующего по благодати Божьей. В тот самый первый день Реформации, когда Лютер прибил свои тезисы, в них не было какой-то программной речи. Там было, опять же, библейское богословие. Там была

простая библейская Весть — Весть об оправдании верующего по благодати Божьей. Это было и остается главным Словом, было и остается главной Вестью Евангелия. Вестью, которая освобождает, но Вестью, которая и обязывает.

Принципы Реформации
— *sola Scriptura, sola fide, sola gratia* — в конечном счете, сливаются в одно: *Solus Christus*.

Принципы Реформации — *sola Scriptura, sola fide, sola gratia* — в конечном счете, сливаются в одно: *Solus Christus*. И все картины Реформации, все описания Реформации, все наши мысли о Церкви реформирующейся должны сверяться с этим Главой. Они должны вновь и вновь указывать на Него, как на картину Лукаса Кранаха.

На ней изображена скромная, простая проповедь Лютера, в простом облачении, в простой церкви, но картина указывает нам на центр, где находится распятый Христос. Он распятый для нас, и воскресший для нашего оправдания. И это не наша заслуга, а заслуга только Бога. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин 15:16). Спасибо.

Модератор: Спасибо большое. Согласно нашему регламенту и расписанию после каждого доклада имеется возможность для двух-трех реплик или уточняющих вопросов. Пожалуйста.

М. Дубровский: Какие вызовы, стоящие перед Церковью сегодня, Вы видите? И еще: есть ли какие-то критерии, позволяющие различать, что реформировать, а что — нет? Из доклада я понял, что определение таких критериев — это тоже вызов.

Докладчик: Сначала отвечу на второй вопрос. Как я уже сказал, я бы не хотел приводить только свои субъективные размышления, потому что это — определенные темы для дискуссии. Вопрос «что должно быть реформировано?» стоял всегда. Когда началась и развивалась Реформация, которую уже невозможно было остановить, и которая, в том числе, вылилась и в крестьянские бунты, этот вопрос встал и перед Лютером. И Лютер просто стоял перед Богом в молитве и покаянии: может быть, я сделал что-то неправильно, я не знаю, я простой бывший монах, я простой человек, я простой грешник, стою перед Тобой, нищий. И мы здесь не уйдем от некоторой дискусионности, от полемичности этого вопроса, потому что перед нами — масса вызовов времени. Имеется и множество путей решения каких-либо вопросов, путей церковных, хотя нередко и радикально противоположных. Например, возьмем сложный вопрос постоянно продолжающегося палестино-израильского конфликта. Церковь все время смотрит на него по-разному. Например, на миссию иудеев или на миссию мусульман. Здесь у христиан очень разные позиции, подчас радикально противоположные.

Есть и другие вызовы времени, такие как болезни, которые раньше мы либо не замечали, либо их не существовало вовсе. Это неизлечимые заболе-

вания, по сути, связанные с сопровождением человека к смерти. Есть и такие вызовы времени, которые касаются каждого отдельного социума, каждой отдельной страны — вызовы, на которые Церковь иногда просто не обращает внимания. А ведь это является позицией. А есть церкви, которые очень активно обращают внимание, и это тоже позиция. Например, проблема бомжей или другие социальные проблемы — как Церковь на них реагирует?

То же самое можно сказать и в связи с политическими вопросами. Здесь тоже есть и всегда были разные позиции. Может ли, имеет ли право Церковь участвовать в процессе реформирования общества, которое, может быть, носит несколько революционный характер? В какой форме участвовать? Где границы этого участия? Очевидно, что это тоже дискуссионный вопрос, без обсуждения которого нам никак не обойтись. Да взять, например, саму евангельскую историю. Что там произошло? Мы слышим *vox populi*, радикально противоположный *vox Dei*. *Vox populi* требует: «Распни Его!», и, по сути, среди народа нет никого, кто сказал бы что-то другое, правда? А революционное и реформационное сознание в той ситуации идет только от Бога. *Vox Dei* вроде бы и не слышен, но на самом деле он звучит громко — просто потому, что мы видим перед собой Христа. Звучит громко, но люди его не слышат. Так что вопросы, что допустимо, а что недопустимо, и как реагировать, всегда остаются дискуссионными.

Или вернемся к вызову Второй мировой войны: и сегодня, так же, как и тогда, ведутся войны. Имеет ли право христианин участвовать в войне, в защите Родины? И если имеет, то в какой форме? Это тоже всегда дискуссионный вопрос. Во время войны в Германии была церковь *Bekennende Kirche*, Исповедующая церковь, представителями которой являлись и Бонхёффер, и Барт, и многие другие христиане, но они оставались в меньшинстве. И это правда: они были в меньшинстве. В то время существовала большая *Reichskirche*, Имперская церковь, евангелическая. И знаменитый епископ Мюллер, который отдавал честь Гитлеру, будучи, по крайней мере, какое-то время, его хорошим другом. Ясно, что сказанное касается не только Лютеранской церкви. Церковь тогда встала перед вопросом, который задавал себе Бонхёффер. И в конечном итоге появилось Барменское соглашение и Штутгартское исповедование вины, где многое описано, приведены определенные критерии. И важнейший из этих критериев — после совершения ошибок сказать о них открыто, признаться в этих ошибках, даже если в них нет твоей личной вины, но вина это коллективная. Подобно Лютеру, который чисто по-человечески где-то, безусловно, ошибался, чего-то не досказал, что-то не доделал. Но Лютер об этом открыто говорил. А главное, что он говорил об этом перед Богом. Поэтому все вопросы такого рода все-таки остаются дискуссионными, а сама дискуссия — открытой.

М. Дубровский: Правильно ли я понимаю, что критерии мы сейчас обозначить не можем — это очень сложно?

Может ли, имеет ли право Церковь участвовать в процессе реформирования общества, которое, носит несколько революционный характер?

Докладчик: Да. Готовые рецепты, критерии дать невозможно.

М. Дубровский: А отвечая на первый вопрос, можно большими мазками обозначить вызовы, которые стоят перед нами сегодня?

Опасным вызовом является и то, что под вопрос уже ставятся основные христианские ценности.

Докладчик: Как я уже говорил, это, безусловно, войны, которые до сих пор ведутся. Войны локальные и войны международные. Терроризм. Есть вызовы, связанные с серьезной проблемой душепопечения, особенно в молодежной среде. Мы с вами видим процессы, происходящие в обществе, которые ка-

саются глобализации. Или процессы, которые касаются определенного отупления сознания с помощью интернета, с помощью телевидения и прочих СМИ. Происходит упрощение внешнего, ложное упрощение жизни, утрата жизненных ценностей. Опасным вызовом является и то, что под вопрос уже ставятся основные христианские ценности. В глобальном смысле, я считаю последний вызов самым главным вызовом времени.

С. Переслегин: Я фактически продолжу то, о чем говорил Михаил Дубровский. Вернусь к противостоянию или противоречию между позициями Лютера и Меланхтона. Мне кажется, если мы будем рассматривать эти две позиции как противоречивые, мы точно не ответим на вопрос, что надлежит делать сейчас, и каковы вызовы, стоящие перед нами сегодня.

Так уж получилось, что мы очень много занимались сценированием XVI столетия, рассмотрением основных сил и основных позиций, которые там возникали. Не зря у нас тема — *Реформация vs Революция*. Дело в том, что событиями XVI столетия можно управлять очень по-разному. Можно представить себе картину, при которой Лютер не выступил бы со своей проповедью. Можно представить такую картину (и она была в истории, по крайней мере, была близка к реализации), когда Папа услышал Лютера, и то, что сегодня мы называли бы Реформацией, было бы движением под руководством единой Церкви в единой логике развития. Проблема заключается в том, что даже в этом — вроде бы таком красивом, позитивном варианте, когда Церковь реформируется, одновременно сохраняя единство — даже в таком варианте проливается огромная кровь. Просто вместо войн Реформации начинаются войны Контрреформации. А все остальное идет ровно по той же самой схеме. И в этом плане для меня великой заслугой Лютера было даже не то, что он выступил со своей проповедью и начал движение Реформации, а то, что он сумел удержать равновесие, баланс движения. В результате чего, если правомочно так выразиться, та кровь, которая и должна была быть пролита в XVI столетии, оказалась пролитой не зря, оказалась связанной с шагом развития.

Но если мы видим здесь шаг развития, то мы должны признать три великих фигуры равноположенными. Фигура Лютера, который отвечал за онтологию, за, собственно говоря, прорыв мышления, прорыв сознания. Фигура Меланхтона, который отвечал за политику, за то, чтобы этот онтологический прорыв был положен на огромную аудиторию, на множество людей, а не остался достоянием

очень небольшого числа думающих. И была третья важнейшая фигура — фигура, которая отвечала за стратегию. Я говорю о Фридрихе Саксонском, без помощи которого ни Лютер, ни Меланхтон не смогли бы действовать. И только втроем они смогли совершить шаг развития, который мы называем Реформацией. И в этом плане — не противоречие, а гармония, союз трех очень разных людей, представлявших очень разные схемы мышления, позволил совершить этот шаг.

Докладчик: Я хотел бы здесь отметить, что это противопоставление тоже имеет дискуссионный характер. Мы с вами говорили в контексте, подразумевающим вопросы: где Реформация, где революция, где реформирующееся, а где стабильное. Я говорил о максимах путей Лютера и Меланхтона, об опасностях, подстерегающих на этих путях, именно в ответ на вопрос «Что может или должно быть реформировано?». Безусловно, в том, что касается исторического процесса, вы абсолютно правы. Но я не совсем согласен с приведенной вами концепцией, которая, как мне кажется, является несколько упрощенным взглядом на вещи, потому что как раз, в приведенных мною словах Лютера о Меланхтоне, угадывается некоторый страх, некоторая скованность перед открытым исповеданием принципов реформации Меланхтоном.

Лютер являлся в первую очередь проповедником, проповедником Реформации. Также проповедником являлся, например Лукас Кранах. Он занимался тем, что мы сегодня назвали бы PR. Его гравюры, которые распространялись среди простого неграмотного народа, сыграли огромную роль.

Немецкий язык Лютера изобилует простонародными выражениями. Песнопения, сочиненные им были вдохновлены музыкой, которую он слышал в пивных и в народных песнях. Затем он положил на эту музыку слова старинных литургических гимнов, а также новые слова, такие как «*Ein feste Burg ist unser Gott*». И это, безусловно, проповедь, которая касалась и чувств человека, и его разума.

А Меланхтон, на мой взгляд, был в первую очередь систематиком. Он являлся тем, кто придал идеям Реформации определенную канву. Особым систематиком Реформации, если мы рассматриваем более широкий контекст, был Кальвин. Он в своих знаменитых «Наставлениях» изложил богословскую систему, которая потом вызвала определенные споры. Например, вопрос предопределения, который для Лютера не являлся центральным. Его отправной точкой было Оправдание. Этот вопрос затрагивался им в проповедях, но не с точки зрения систематики, а с точки зрения разговора от сердца к сердцу. Это касается именно проповеди, а цель проповеди всегда — донести Евангельскую Весть, раскрыть Закон и Евангелие.